Из воспоминаний Аболончикова Н., бойца 22-й стрелковой дивизии. [1971-1978 гг.].

Аболончиков Н. (второй справа) в кругу своей семьи и с ветеранами 22-й сибирской дивизии на встрече ветеранов в Кемеровском горсаду. 1971 г. ГКУ ГАК, ф. Р-1483, оп. 1, д. 1, л. 31.

На основании патриотизма

Идет второй год войны. Многие наши товарищи из турбинного цеха Кемеровской ГРЭС давно сражаются в осажденном Ленинграде, на берегах Волги. […]

На меня, как мне кажется, многие смотрят с затаенным упреком. Да, пожалуй, они по-своему правы. У меня бронь. Но счастлив ли я, что живу и работаю в такие дни под чистым сибирским небом? Каждое утро я слушаю безрадостные сообщения информбюро и испытываю большое угрызение совести. […]

В народе пошел разговор, что комитет обороны СССР удовлетворил просьбу Новосибирского обкома партии об образовании дивизии добровольцев-сибиряков, и эта дивизия уже формируется.

Все, сказал я себе, иду.

На другой день вышел на работу с легким сердцем, рапорт лежал у меня в нагрудном кармане, и мне теперь оставалось только передать его в партийный комитет.

Когда я услышал, что на электростанцию прибыли представители городского комитета партии, я немедленно с рапортом обратился к ним.

- Что, уже рапорт? – недоверчиво посмотрел на меня представитель горкома. - А вы хорошо подумали?

- Да, - ответил я.

- Еще подумайте, ведь не к теще на блины едете, а на войну, где калечат и убивают.

- Знаю, - ответил я. - Война без убитых не бывает, и на войне всех не убивает.

Представитель копался в моих документах, увидел вклеенную в военном билете бронь, где говорилось, что она до конца войны.

- У Вас бронь.

- Но ведь она бумажная и ее нетрудно снять. Значительно труднее снять и повернуть обратно ту бронь, которая черной тучей нависла над моей Родиной.

- Понятно товарищ Аболончиков.

- Спасибо.

- Ждите приказа.

Когда от Комитета Труда и Обороны пришло разрешение удовлетворить просьбу, организовать дивизию добровольцев-сибиряков и послать ее на один из трудных участков фронта, бессильные скептики еще жили. Они шептали один другому на ухо, потешая свой собственный живот. Разве-де возможно организовать дивизию добровольцев. Это же

15-20 тысяч штыков, можно сравнить с небольшим городом. В конце концов, можно найти отдельных героев, но не дивизию героев – продолжали роптать скептики. Но они просчитались. Дивизия была организована в самый короткий срок.

Нескончаемым потоком с рапортами шли добровольцы. На сборном пункте была произведена сортировка, кого куда.

Общее построение, перекличка. Одни налево, другие направо. Из общего числа добровольцев половина была отправлена домой. Это были шахтеры, химики, металлурги, энергетики, которые также были нужны в тылу, ковать победу, как и на переднем крае, в смертельной схватке с озверелым фашизмом.

Многие из тех, кому надлежало вернуться к своим станкам, печам, забоям, турбинам, ошибочно почувствовали себя оскорбленными недоверием и начали пытаться тайными тропами переходить из строя отправленных домой в строй, который идет на фронт. […]

Энтузиасты

На сборном пункте я встретил большую группу людей – это были энтузиасты Кемеровской ГРЭС. Они были веселы и счастливы, настроение оптимистическое. Многих из них я и сейчас помню. Это были Филипп Бураков, Василий Желтов, Михаил Антонов, Николай Орлов, Гавриил Кальнюк, Алексей Горбунов. Ни у одного из них нельзя было заметить каплю разочарований. Наоборот, они пели, плясали, шутили, хотя нас ждали тяжелые будни боевой подготовки. Два месяца по четкому расписанию: подъем в 5:00, отбой в 23:00. День на учебном плацу, ночь в палатке. Солдаты шутили нараспев о своей судьбе:

Ох, шинель моя, шинель,
Ты одеяло, подушка и постель.

А между тем, у нас еще и шинелей не было. Спать ложились, не раздеваясь, в обнимку с неразлучной подругой-винтовкой, зато экономили время на подъем. Нам не требовалось надевать гимнастерку, брюки, все

было надето несколько дней назад. Не нужно было мотать обмотки, т.к. у нас их не было. На учение и с ученья ходили с песней, выражавшей наши мысли и чувства.

Взяв винтовку, идут добровольцы,
Смельчаков создавая полки,
Коммунисты идут, комсомольцы,
Беспартийные большевики.
По Сибири, по таежной шири
Прокатился наш клич боевой.
Мощь сибирская, сила богатырская,
Поднялась на решительный бой.

С этой песней мы и начали свой боевой путь. Она родилась вместе с добровольческой дивизией на слова сибиряка - поэта Смердова, музыка композитора Блантера.

С этой песней сибиряки-добровольцы пронесли гвардейское знамя по лесам и болотам Калининской, Смоленской областей и Белоруссии, через минированное поле, колючую проволоку Лубанской низменности Латвийской ССР. Прошла с боями и вышла к берегам Рижского залива.

Новосибирск нас провожал торжественно. Под марш оркестра плавно тронулся поезд, и также плавно набирал скорость. Поезд шел красиво. Его вел знаменитый машинист локомотива Новосибирского депо Герой Социалистического Труда товарищ Лунин.

Под стук колес на стыках рельс, под отсечку локомотива солдаты пели свою любимую песню.

Мы гадаем

На восьмые сутки после отбытия из Юргинских лагерей мы прибыли в подмосковные Кузнецкие лагеря. А что же будет дальше? Где же тот трудный участок, который должна оборонять сибирская добровольческая? Так мы гадали, когда были в пути, так гадали, находясь под Москвой. А

через восемь дней опять в путь. От станции Люберцы поезд взял курс на север. […]

Видим – станция Сележарово, о которой я лично в жизни ничего не знал и не видел. Дальше пойдем пешком. Ночи темные, хоть глаз коли. Под ногами зыбкая почва болот. В лесу дорога – сплошной бревенчатый настил. Чуть оступился – по пояс в грязи. Лошади измучены до того, что на крутых подъемах и спусках приходилось плечами поднимать повозку или удерживать ее, чтобы повозка не задавила лошадь. Путь по болотам и бревенчатым настилам был нелегким, он тянулся 250 км и преодолевался в темные осенние дождливые ночи. В этом трудном пути сибиряки оставались бодрыми. Коммунист Павел Лаврененко находил время выпустить боевой листок. Рядом с похвалой выносливых и критика отстающих. Коротко, метко, правдиво. Как правило, отстающих было немного.

Через несколько дней тяжелого перехода пришли в деревушку Алферово. Здесь дневной привал, а ночью выходим на рубеж обороны. Фашистские стервятники делают свое черное дело. В воздухе сотни «Юнкерсов», «Мессершмидтов». «Фокке-Вульфы» корректируют огонь по нашим частям. Вековой лес стонет от беспрерывного огня вражеской артиллерии и бомбежек с воздуха. Мы недоумеваем. Где же наш трудный участок?

Неужели это он самый? Ведь об этом трудном участке мы никогда ничего не слышали по радио, в сводках информбюро. Здесь наша мечта об обороне Ленинграда, Сталинграда и других участков, где создавались трудные условия боя, была рассеяна, здесь складывалась совершенно другая ситуация.

Позже нам стало известно, что мы будем оборонять старинный небольшой городок на Смоленщине – это Белый, и что перед нами стоит 197-я немецкая пехотная дивизия СС «Великая Германия». С ней-то и будем мы иметь дело.

Мы - связисты

Мы, связисты, в атаку не ходим. Наша задача - обеспечить бесперебойную связь штаба дивизии с передовыми частями, с тылами и флангами. И особенно нам трудно и опасно, когда под обстрелами вражеской артиллерии или бомбежкой приходится восстанавливать связь, именно в это время связисту и приходится быть на линии, *под огнем*[*].

Деревня Раменка. Здесь расположен штаб дивизии. Командир взвода лейтенант Панченко приказал: «Сегодня, как видите, затишье. К чему это? Гадать не будем, но нужно дать возможность менее опытным связистам набираться опыта, а поэтому доверим им управлять связью, а вы, старички, возьмите карабины и становитесь на посты». Я в это время дежурил у телефона начальника штаба Панишева. Там меня сменил молодой солдат Лебедев. *Я пошел*[**] охранять телефонную станцию.

Во второй половине дня в воздухе появилось множество вражеских самолетов-бомбардировщиков в сопровождении истребителей, обрушили массу огненного металла на деревню Раменка, где располагался штаб дивизии. После этой бомбежки во взводе осталось восемь человек. Здесь погиб молодой связист Лебедев. Это он вместо меня принял дежурство у телефона начальника штаба дивизии, а вместо него стоял я на посту. […]

Идет вторая декада ноября 1942 года. В эти дни дороги совсем непроходимы. Подвоз продовольствия и боеприпасов прекратился. Мы чувствуем себя на необитаемом острове. В октябре мы имели как подспорье, перекапывая картофельное поле, случайно оставшуюся картошку, сейчас этой возможности лишены. Делим один сухарь на 4-5 человек. А какая-либо павшая или убитая лошадь – это божий дар для взвода.

Вот, наконец, первые крепкие морозы, зазвенела под ногами земля, покрылись мерзлой коркой болота. По ночам лес гудел моторами, на полях

---

[*] *Вписано синими чернилами.*
[**] *Вписано синими чернилами.*

появились «Катюши». По всем приметам скоро перейдем в наступление. По вечерам в блиндаже только и разговору об этом. Враг силен. Он больше года крепил дотами и дзотами, опутывал колючей проволокой, минировал, глубоко эшелонировал свою оборону, подтянул отборные механизированные части.

Утром 25 ноября 1942 года пробил час наступления. Нас разбудила артиллерийская канонада. Это началась артиллерийская подготовка к наступлению. В первую очередь я вспомнил брата Мишу. Где-то на этих днях сравнялось ему 18 лет. А где он, и что он в настоящее время делает, не знаю.

Возможно, он еще в тылу, готовится и крепнет, учится у бывалых солдат, а возможно, он с автоматом наперевес идет в атаку, за собой ведет вверенное ему боевое отделение или взвод. А может, он сражен вражеской пулей и замертво лежит на поле боя. Может быть, он ранен, и перевязывает его наша медсестра или санитарка, а потом на своих нежных, по-девичьи хрупких плечах выносит его в зону безопасности. А я в блиндаже под большим числом бревенчатого наката работаю на коммутаторе, временами выхожу из блиндажа на повреждение связи или устанавливаю новую телефонную точку. А воздух наполнен гулом вражеских самолетов и клубами дыма от разрывов зенитных снарядов. Бои длятся половину декады ноября и начало декабря 1942 года. […]

В боях под городом Белым мы возмужали, приобрели опыт.

У многих связистов на гимнастерке засияли ордена и медали «За боевые заслуги». Особенно отличились радисты. […]

Я продолжаю беспокоиться за брата Мишу, что с ним?

Не знаю. Даже в отделе кадров и там ничего не дали вразумительного. Только после того, как встретил бывшего командира учебного батальона майора Алтухова, я напал на след Миши, но тут же и потерял. Майор объяснил мне, что Миша весь учебный период был в

первой роте учебного батальона, а первая рота была целиком отправлена в хозяйство подполковника Торосова – это Новосибирский полк.

Через некоторое время мне стало известно, Новосибирский вместе с частями танкового корпуса попал в окружение в районе села Шайтровщина и сейчас ведут оборонительные бои, стараются выйти из окружения.

Огонь Гитлера и Геббельса

Все надежды о том, что мой брат жив, пропали. И я начал поиск, при каких обстоятельствах он погиб. Если только он погиб. Но вдруг, а это было, когда мы готовились к генеральному наступлению, дислоцировались в это время в районе г. Гжатска, я получаю письмо от Миши из г. Кемерово, что долгое время лежал в госпитале, после чего был списан из армии и отправлен домой.

При встрече после войны он рассказал мне следующее.

- В наступление я пошел командиром отделения, а из окружения выходил командиром роты, и то не вышел и роту не вывел. Я едва успел подумать, что все - я убит, но через несколько дней оказался в глубоком тылу в госпитале. У меня здорово болела голова и левая нога. Я спросил, что со мной? Улыбающаяся девушка в белом халате ответила, что я нахожусь в безопасном месте, и теперь, наверное, представится возможность поточнее установить мою личность, т.е. кто я, и с полной подробностью. После того, как я пришел в сознание, начал вспоминать, что происходило, когда мы были в окружении. Мы вели оборонительные бои по всему кольцу окружения. Усиленный бой вели в восточной части кольца, с тем, чтобы ослабить его кромку и разорвать, а затем дать возможность выхода из окружения подразделениям пехоты и частям танкового корпуса. Прорываться на восток нам помогали с Большой земли. Я находился невдалеке от того места, где стальное кольцо должно лопнуть, и вел бой, прикрывая левый фланг от возможности сужения кольца в восточной части. Немцы нас били двумя огнями. Один огонь мы называли

огнем Гитлера. Это когда по всему кольцу окружения на наши головы лилось море огня и металла изо всех видов оружия.

Второй огонь - это огонь Геббельса, когда включались мощные радиодинамики. Лились наигранно-красивые слова, призывали сдаться в плен. При этом обещали золотые горы. После чего проигрывали грампластинки русских песен. Часто повторяли «Катюшу» и «Напрасно старушка ждет сына домой».

Огонь из всего вида оружия - это безжалостное отношение к осажденным. А призыв к сдаче и проигрывание наших пластинок - это была прямая насмешка, так понимали сибиряки-добровольцы, и продолжали пробиваться на восток. Находясь в тяжелом положении, когда мороз вступил в свои права, без еды и со скудным запасом боеприпасов, стояли насмерть, но не сдавались. Когда пропаганда Геббельса не давала успеха, повторялось то же. //

Шквальный огонь раскаленного металла безжалостно лился на головы добровольцев-сибиряков.

За Зою

Декабрь 1942 года добровольческая дивизия сибиряков громила полки 197 дивизии СС «Великая Германия». Перед Кемеровским полком стоял 232 пехотный полк, входящий в состав 197 дивизии. Командовал этим полком подполковник фон Рюдрер.

Нам было известно, по приказу фон Рюдрера была казнена московская комсомолка Зоя Космодемьянская. Комсомольцы поклялись отомстить за Зою. Под этим девизом начался бой с 232 пехотным полком.

Трудно и нам связистам. Связь часто нарушается. Её рвут наши танки и артиллерия противника. Кроме того, были признаки, что на линиях связи свирепствует диверсия. Диверсанты работали очень просто. Вырезает несколько метров провода, замаскируется и ждет, когда придет связист на устранение повреждения, диверсант убивает связиста и ждет следующего. Ввиду этого было приказано на линию выходить вдвоем.

Была темная ночь. Я дежурил на наблюдательном пункте заместителя командующего армией генерал-майора Попова, с ним были командующий артиллерией армии полковник Плегянский и начальник разведки армии подполковник Калинин. Они наблюдали за ходом боя, давали необходимые указания командиру корпуса, командирам дивизий и полков. В ночное время разгорелся бой. Связь непрерывно рвалась то с одним полком, то с другим. В самый разгар боя я пошел на повреждение в сторону Кемеровского полка, прихватив с собой метров 25-30 провода. Со мной был молодой связист, недавно прибывший на фронт с пополнением. Шли мы медленно по глубокому снегу, мелкому кустарнику. Я искал повреждение, а второй наблюдал вокруг, сколько мог видеть сквозь толщу темноты. Я нашел повреждение и на устранение его израсходовал примерно 15-20 метров провода. Но связи с полком не было. А когда нашел второе повреждение, оставшегося провода не хватило 1 метра для соединения повреждения.

Я подсоединил аппарат, проверил связь в сторону полка и в сторону наблюдательного пункта - все хорошо. Но соединить концы не имею возможности, не хватает провода. Тогда беру один конец в одну руку, а другой в другую, прижал плечом телефонную трубку к уху, услышал, связь с полком есть. А для того, чтобы поговорить с кем-либо, нужно нажать клапан на телефонной трубке, но у меня заняты руки, а чтобы высвободить руку - это значит прервать связь. Мне кажется, что этот разговор, который я слышу, прервать невозможно даже на несколько секунд, я подождал минуты две-три, по проводу шли приказы, один другого важнее.

Из полка докладывали обстановку, просили помощи, давали координаты, куда дать артиллерийский огонь. Тогда я попросил своего напарника сходить на наблюдательный пункт и взять там несколько метров провода, чтобы соединить капитально. Возвращаться нужно было километра 2-3 туда и обратно, т.е. 5-6 км. И только белый силуэт

напарника скрылся в темноте, я почувствовал, что сделал ошибку, не разъяснил ему, каким образом поддерживается связь с полком и НП. Мне нужно было пролежать на снегу не менее полутора часов и через себя обеспечивать связь с полком.

Так оно случилось, что моя оплошность удвоила мои страдания. Я лежу на снегу, фашисты усиливают обстрел, наш передний край освещают ракетами. Каждая выпущенная ракета дает столько света, что мне кажется, меня видят не только с наблюдательного пункта, а даже с Марса. Я насквозь продрог, с минуты на минуту жду провод, и когда напарник вернулся с пустыми руками, я еще раз себя проклял за свою ошибку.

Ему там сказали, что Аболончиков проявил какую-то находчивость и вышел из положения. Связь с полком есть.

Провод тратить без надобности нет смысла, т.к. его и так мало. А голоса он не подает потому, что линия все время занята хозяином, сверху.

Иди ему навстречу и помогай возвратиться. Вот тут я и объяснил ему свою находчивость и послал его обратно за проводом, а сам продолжал лежать на мягком снегу, держать концы проводов в окоченевших руках. Более трех часов, под огнем, освещенный ракетами противника, я лежал на снежной перине, удерживал связь с комсомольцами, мстителями за Зою. 232 полк был разгромлен, 3- часовой отдых на снежном матраце сказался, я заболел, но из строя не вышел. По возможности нес боевую службу. […]

После короткого отдыха бросок на Великолукский плацдарм.

Январь 1943 г. Машин нет. Лошадей не хватает. Связисты тащат свое имущество на салазках, сооруженных из лат. Тяжело, но первый марш из Селижарово под Белый был куда сложнее и труднее, да и то выдержали.

Город Великие Луки. Вместо домов и промышленных сооружений одни развалины. В центре города, на возвышенности, в каменных подвалах, как медведь в берлоге, сидел фашистский гарнизон. Гитлеровское командование прилагало все силы, чтобы удержать Великие Луки. Посылало бронированные части к осажденным. Наша задача -

сломить фашистский таран и отбросить от города, а осажденных убедить добровольно сдаться, избежать излишнего кровопролития. Не пойдут на это - будут уничтожены.

На открытых степных сопках разгорелись кровопролитные бои, солдаты на горьком опыте под Белым научились воевать, а командиры, кроме того, научились по закону военного искусства управлять подразделениями, они еще и научились по-отечески заботиться о солдате, о своем подчиненном.

Наверное, поэтому батальон связи в боях за Великие Луки не потерял ни одного человека. Полученный под Белым опыт многому научил.

Великие Луки позади. Мы идем на новый участок боев.

Кругом сплошные луга и болота, дорога напоминает ту, по которой мы шли под Белым. Но у нас есть опыт, и мы значительно легче преодолеваем препятствия марша. Новый участок боевых действий - это Локня. Он по-своему является сложным, здесь леса и болота.

65 километров от станции Великополье. Весной 1943 года сюда прибыла делегация сибиряков. Земляки привезли письма от матерей, жен, братьев и сестер, подарки, мешочки с махоркой, конфеты, пряники, теплые носки и варежки, два или три вагона сибирских пельменей. Повеяло Сибирью. Прибавилось силы и бодрости, сейчас не страшно было взять вещмешок и по болотам 65 км до станции Великополье, чтобы перенести один снаряд небольшого калибра. […]

Служил со мной Степан Османский, смелый и весёлый связист. Где-то под Локней он попал в плен.

А вышло вот так. В разгар боя оборвалась связь. Османский побежал на линию. Увлекшись ремонтом линии, он не заметил, как подошли два гитлеровца:

- «Хенде хох» - руки вверх.

Немцы смотрели на Степана с самодовольной улыбкой. Что может быть лучше языка, чем связист. И что он может сделать один против двоих, да еще когда у него автомат за плечами, а на груди висит катушка с проводом, на боку телефонный аппарат. Фашисты, когда совершают подвиг, думают о железном кресте. Язык- то подходящий, ведь связист. Но комсомолец-сибиряк не растерялся. В одно мгновение он выхватил из кармана горсть махорки и в глаза немцам. Не ожидая такой «прикурки», немцы растерялись.

Тем временем Степан сорвал с плеч автомат и дал очередь.

- Подумали ли фашисты о железном кресте, я не знаю, - шутил Степан. А вот о деревянном березовом кресте обязательно подумали.

Фашисты присели и подняли руки. Степан быстро откусил конец провода, привязал немцев друг к другу и как бы на поводке привел их в штаб дивизии. Из штаба их отправили в санпункт промывать глаза.

Достойно следует вспомнить наших девушек-связистов. Они с лихвой отдают свои силы и энергию, как для службы, так и для быта. Они достойны были звания родных сестер. Бывало, вернешься с боевого задания усталый, промокший до костей, они встречают тебя как родного. Прозяб? Садись ближе к печурке. Хочешь кушать? Пожалуйста. Девичья теплота быстро согревала и снимала усталость, восстанавливала боеспособность.

Ася Шестакова и в бою не отставала от бывалых и обстрелянных солдат. Всегда её видели за коммутатором или телеграфным аппаратом. Ася всегда рвалась туда, где труднее и опаснее, но девушек не пускали на передний край, считали, что это могли быть бессмысленные потери. Ася всегда требовала от командира взвода, чтобы её ставили в строй наравне с ребятами.

- Я приехала воевать и должна быть там, где труднее и опаснее, а не сидеть в блиндаже, как таракан в щели, и повторять вот эти неизменные слова: вызываю, соединяю, занято, говорите и т.д.

- Ладно, ступай,- не выдерживал командир взвода. Ася петь не умела, а в это время пела. Она была полна гордости, что становилась в строй и шла на сложные и опасные боевые операции по обеспечению связи наблюдательных пунктов дивизии и полков.

Стойкость сибиряков-добровольцев, их бесстрашие особенно проявились на Смоленщине в боях за высоту 233,3.

Это бугорок земли возле станции Павлиново казался совершенно недоступным. Вся высота в дотах и дзотах, была опоясана глубокими противотанковыми рвами, опутана колючей проволокой, подступы к высоте густо заминированы. На высоте были сосредоточены пушки, минометы, пулеметы. Огонь был настолько велик, что даже траву косил под гребенку.

Гвардейцы 22-й дивизии дрались, не жалея живота. На пятые сутки бой достиг самого наивысшего напряжения.

Преодолев предполье, штурмовой панцирный батальон под командованием майора Белоконь наконец-то зацепился за высоты. Связисты Андрей Каргополов и Николай Головин находятся рядом с майором Белоконь, а я сижу на наблюдательном пункте командира дивизии, работаю на коммутаторе. Связь непрерывно рвется. Временами выскакиваю из блиндажа на устранение повреждений связи наблюдательного пункта, вместо меня остается за коммутатором командир взвода старший лейтенант Панченко.

Штурмовики то и дело просят артогня, то на северный, то на южный склоны высоты, но важнее всего передать команды командира дивизии полковника Панишева на высоту.

От этого зависит успех боя. Связисты трудятся с нечеловеческим усилием и все время под огнем. Идет на повреждение, возвращается раненый или совсем не возвращается, Да и я уже 36 часов не отрываю телефонную трубку от уха.

Слышу голос Николая Головина: «Перенести огонь на западные склоны высоты». А через некоторое время Головин сообщает, что высота наша. «Высота наша», - подтверждает с контрольного пункта Андрей Каргаполов.

Вдруг блиндаж качнулся и поплыл. Когда я пришел в себя, мне казалось, что из какой-то темноты ко мне приближается знакомое лицо. Это была Вера Ющенко. Она приводила меня в чувство, со мной был обморок.

Штаб переводят на высоту. Производится обработка пленных как контрразведчиками, так и разведчиками. Большинство пленных вели себя нагло и цинично, а один пленный на вопросы отвечал, что он не понимает, наш переводчик в совершенстве владел языками: немецким, английским, французским и итальянским. Ни одного этого языка этот подлец-нацист не понимал, он даже не понимал, когда у него спрашивали, какой он нации. И только понял тогда, когда командир дивизии дал приказ, куда его определить. Об этом ему сообщили на немецком языке.

Были и такие, которые представлялись овцами, и отдавали себя на милость победителям.

Высота 233,3 - это был копай-город из бетона и железа. Он был мебелирован мягкими стульями, круглыми столами, койками с панцирными сетками, завален всякими безделушками, губными гармошками, шторами, тряпками, посылками, которые не успели послать в Германию своим фрау.

На высоту мы пришли с одним связистом - это был Павел Бутков. Он воевал на Мамаевом кургане, после освобождения Мамаева кургана был ранен и отправлен в госпиталь, а из госпиталя он попал к нам.

Вот что он определил, что сама высота не похожа на Мамаев курган, но бои чуть ли не похлеще, чем на Мамаевом кургане.

Преследуя врага, гвардейцы из нашей дивизии штурмом овладели городом Ельня. Это районный центр на Смоленщине, с XII века славится

изготовлением прочного кирпича и вкусного сыра. Сейчас он выглядел безжизненно. Малочисленные заводские трубы не дымили, жилые дома превращены в руины. Здесь ворота на запад открыты.

Немыслимо без своей части

Два раза я выбывал в госпиталь по болезни и всякий раз всеми правдами и неправдами возвращался в свою роту и свой взвод. Последний раз я с маршевой ротой был направлен куда, я и сам не знаю, но только не в свою дивизию.

Идем медленно. Нас обгоняют машины с боеприпасами и продовольствием. Навстречу тянутся колонны пленных, проносятся санитарные машины с ранеными.

Хочется попасть в 30-й батальон связи 22-й дивизии. Но как? Документов нет, а командир маршевой роты и слушать меня не хочет. Раскатанная дорога тянется бесконечной лентой. Много ответвлений от большой дороги. Надвигаются вечерние сумерки. С неба падает пушистый снежок, перед нами вырастает огромный сарай с пробитой крышей и с бесформенными дырами в стенах. Это тоже, очевидно, пробоины от снарядов из гаубиц прямой наводкой навылет с другого бока.

Раздалась команда - в этом сарае будем ночевать. Можете представить, какой здесь будет ночлег в зимнее время в сарае, изрешеченном войной, где не было даже соломы. Но утро все равно пришло, и опять в путь.

Смотрю на указателе дороги надпись и стрелка - медсанбат-33. Так я и напал на след своей дивизии. Что делать? Э, была - не была, рискну. Говорю своему товарищу по госпиталю, если будут меня искать, то пусть ищут в 22-й гвардейской дивизии добровольцев-сибиряков. Прихожу к командиру роты капитану Панченко, докладываю:

- Сбежал из маршевой роты, документов не имею.

- Хорошо,- ответил командир роты, - сейчас доложу командиру дивизии.

Берет телефонную трубку и вызывает командира дивизии. Докладывает, что сержант Аболончиков сбежал с маршевой роты, для того чтобы продолжать службу в своей дивизии, я не против того, чтобы оставить его у себя, только на каком основании я его зачислю на довольствие. Не придумаю. Комдив выслушал командира роты и повторил: сбежал из маршевой роты, желает продолжать службу в своей дивизии. Зачислите его в штат, поставьте на все виды довольствия, поставьте на свою должность, на основании патриотизма к своей добровольческой дивизии. […]

В гостях у зенитчиков

Где-то под Локней я связался по телефону с зенитчиками и был приглашен в гости.

Приближаясь к расположению батареи, а она в это время вела огонь по самолетам противника, я видел, как один «юнкерс», охваченный пламенем, устремился на запад и скрылся где-то за опушкой леса. Я зашел в блиндаж взвода управления, поздоровался с товарищами, среди них были мои друзья с Кемеровской ГРЭС Гавриил Кальнюк, Михаил Антонов, Николай Орлов. Они очень горевали. Оказывается, что печаль их была в том, что артиллеристы-зенитчики выпустили много снарядов в большую гущу самолетов и ни одного самолета не сбили.

«Как ни одного, - возразил я. - Когда шел к вам, я видел своими глазами, как немецкий «юнкерс», охваченный пламенем, вот в этом направлении скрылся за опушкой леса». Я вывел ребят из блиндажа и показал направление, куда скрылся «юнкерс». Надо доложить командиру батареи и уточнить, забеспокоились ребята. Через несколько минут было известно, самолет противника действительно был сбит и упал, охваченный пламенем, едва перевалив нейтральную зону. Настроение зенитчиков переменилось, ибо каждый сбитый самолет приближал победу.

Зенитчики угостили меня вкусной фронтовой кашей, а перед кашей боевые 100 грамм. Каша и 100 грамм - теплое гостеприимство в условиях

фронтового блиндажа и их радость за сбитый «юнкерс» приподняли мне настроение.

Я отблагодарил за теплый прием и пошел в расположение своей роты.

Через некоторое время зенитчики ушли от нас.

Из зенитных батарей, приданных соединениям Советской Армии, был сформирован зенитный полк. В состав этого полка вошла и наша батарея. Под названием «батарея сибиряков-добровольцев». […]

Помогла цыганка

После предварительной подготовки наша дивизия шла в наступление. Напуганные грозным началом наступления немцы бежали на запад так, что за ними трудно было угнаться. Они спешили удрать. Приготовленные для отправки в Германию вещи остались на месте упакованными. На них нанесены адреса получателей и фамилии, кто грабил вещи.

Проходя через село, я столкнулся с таким фактом. Ко мне подошла миловидная со смуглым лицом, черными навыкат глазами молодая цыганка. Пред собою в шали, перевязанной через шею, держала ребёнка. Он активно сосал грудь матери.

- Добрый советский воин, дай я тебе погадаю, - сказала цыганка, а сама берет мою руку, смотрит на мои ордена и медали и продолжает. - Ты не простой воин, заслуженный, это я вижу по твоим наградам, сейчас тебе трудно, но тебя ждет счастливая жизнь и здоровье, ты останешься жив и здоров.

- Вы всем так говорите, что война кончится, и останетесь живы, здоровы, - шутя, добавил я.

- Да, да, а иначе платить не будут за ваше гадание. - Кто-то добавил со стороны.

- Я не знаю, что я скажу другому, а Вам говорю именно это, - а сама понимающе всматривается в мою ладонь, пальцами водит по линиям

жизни, а ребенок по-детски умными глазами смотрит мне в лицо и опять прислоняется к груди матери, продолжает чмокать губами. Мать все пристальнее всматривается в ладонь и водит пальцами по линиям, продолжает гадать. - Сейчас вы пойдете на край села, вас там ждут четыре человека. Они собирались уйти с хозяевами в сторону заката солнца, но они не ушли, не удалось.

Приготовленные две повозки со скарбом стоят в стайке, тщательно замаскированные. На одной из повозок лежит опасный груз, у повозки стоят на привязи две лошади, одна из них вороная, другая рыжая. Будьте осторожны, добрым словом ВАС встречать не собираются. Дальше Вы пойдете. За селом Вы увидите старика-гармониста. Он мудрец, игрой встречает Советскую Армию и разговаривает со всем миром.

Будьте осторожны. Вас ждет счастливая послевоенная жизнь.

Я понял, цыганка сообщила, что на конце села сидят предатели четыре человека, что у них имеется два воза груза, один из них с оружием. А за селом старик - мудрец с вмонтированной в баяне рацией, держал связь с отступающими немцами. Информировал их об обстановке на данном участке.

Все это она рассказала на цыганско-гольческом жаргоне.

А через полчаса вся эта предательская группа была обезврежена и получила по заслугам. Над старостой этого села состоялся полевой суд; тут же в селе приговор был приведен в исполнение.

Рыжая кобыла досталась нам на пополнение батальона связи.

Два траурных периода

Бывают ли командиры лучше нашего комдива полковника Понешева? Об этом мало было нам известно, но мы узнали, что полковника Понешева от нас переводят, он будет командовать 8-й Панфиловской дивизией. Мы сидели в блиндаже телефонной станции и думали, а как к нам будет относиться новый комдив, будет ли он так любить связистов, как любил Понешев. Когда все было готово к отъезду,

полковник позвонил нам. Нет. Он не забыл нас. Он попрощался с нами. В это время он был особенно добрым.

- До свиданья, дорогие друзья, - сказал он. - У меня о вас сложилось самое наилучшее впечатление. Вы верно служите Родине. Вы были точными исполнителями моих приказов.

Когда машина тронулась, командир махал нам рукой, хотелось бежать за ним вслед до того места, где он остановит её и прикажет: «Вот здесь организуйте узел связи, вот туда-то подавайте концы».

Однажды, дежуря на коммутаторе, я услышал печальную весть, из 8-й Панфиловской дивизии сообщали, что полковник Понешев погиб. Об этом сообщали его боевому другу, начальнику политотдела полковнику Ширяеву. В блиндаже телефонной станции воцарилась тишина. В этой тишине чувствовался траур о человеке, который был так близок душой и сердцем к нам, связистам. Все встали, память любимого командира почли минутой молчания. А на подступах к берегам Балтийского моря в районе хутора Музыкас погиб вместе со своим другом - адъютантом командир Новосибирского полка подполковник Аникин. За этот хутор он дрался как командир полка и боец, который с автоматом наперевес, с криком «ура» шел в атаку. […]

Конец войны

С боями взяли Ригу. Двигались по Прибалтике, штаб дивизии обосновался на небольшой лесной поляне. С утра 9 мая стояла подозрительная тишина. Не гудят самолеты, не слышно выстрелов артиллерии, ни винтовочной, ни автоматной стрельбы не было. Прекратились разрывы снарядов и мин. Тишина создавала что-то приятное и в то же время подозрительное.

С непривычки становилось жутко.

На протяжении 4-х лет подряд жил рядом со смертью, а часто сама смерть смотрела в глаза. Если бы такой прибор был, каким можно было

измерить расстояние от вчерашнего шума до сегодняшней тишины, думаю, что это получилось бы большое расстояние.

Народ распрямился, вышел из блиндажей и траншей, ходит в полный рост. Стало казаться, что на войне народа стало больше, чем несколько минут назад. И можно подумать, что дивизия получила пополнение.

И вдруг получаем приказ. Подать связь на большую поляну.

- Зачем? - спрашиваем майора Бориса Афонина.

- Об этом узнаете в 15, по радио. Передадут важное правительственное сообщение.

Это был конец войны. Очень трудно описать тот период перехода от привычного шума моторов авиации, артиллерийских канонад, трескотни автоматных очередей к такой тишине, которая по телу проходит приятной дрожью.

ГКУ ГАК, ф. Р-1483, оп. 1, д. 1, л. 1-29. Подлинник. Машинопись.